Научная статья

УДК 316.334.3:314.159.2(470)

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ О МЕРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И БАРЬЕРЫ ИХ ПОЛУЧЕНИЯ

Ниорадзе Георгий Владимирович, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия, Москва, g.nioradze@mail.ru;

Михопаров Николай Иванович, кандидат социологических наук, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Россия, Чебоксары, oakline@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема расхождения между законодательным закреплением мер поддержки семей с детьми и их фактическим использованием гражданами. На основе смешанного исследовательского дизайна, сочетающего стратифицированный социологический опрос и фокус-группы, анализируется путь домохозяйства от наличия объективного права на выплату до её получения. Выявлено, что значительная часть потенциальных получателей выбывает из системы распределения пособий на этапах информирования и первичного обращения. Предложена типология барьеров, включающая информационные, процедурные, цифровые и социально-психологические ограничения, каждый из которых фиксируется измеримыми индикаторами. Установлено, что административные издержки непропорционально сильно затрагивают семьи с низким уровнем дохода и жителей сельской местности. Субъективные оценки респондентов свидетельствуют о том, что материальные меры скорее ускоряют реализацию уже сформировавшихся репродуктивных намерений, чем изменяют итоговый размер семьи. Символическое прочтение государственной поддержки варьируется от прагматического восприятия до скептического отношения, связанного с унизительными процедурами оформления. Делается вывод о необходимости снижения транзакционных издержек граждан через проактивные

механизмы назначения выплат и развитие социальной инфраструктуры.

Ключевые слова: демографическая политика, семейные пособия, административные барьеры, информированность, репродуктивные намерения, социальное государство, адресность поддержки.

Original article

AWARENESS OF SOCIAL SUPPORT MEASURES AMONG FAMILIES WITH CHILDREN AND BARRIERS TO ACCESS

Nioradze Georgii Vladimirovich, Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, g.nioradze@mail.ru;

Mikhoparov Nikolai Ivanovich, Candidate of Sociological Sciences, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary, Russia, oakline@inbox.ru

Abstract. This article examines the discrepancy between legislatively enshrined support measures for families with children and their actual use by citizens. Using a mixed-methods research design, combining a stratified sociological survey and focus groups, we analyze a household's journey from objective entitlement to payment to its receipt. It is found that a significant portion of potential recipients drop out of the benefit distribution system at the information and initial application stages. A typology of barriers is proposed, including informational, procedural, digital, and socio-psychological limitations, each captured by measurable indicators. It is established that administrative costs disproportionately affect low-income families and those living in rural areas. Subjective assessments by respondents indicate that material measures accelerate the realization of already formed reproductive intentions rather than change the final family size. Symbolic interpretations of state support range from a pragmatic perception to a skeptical attitude associated with humiliating application procedures. It is concluded that it is necessary to reduce transaction costs for citizens through proactive payment mechanisms and the development of social infrastructure.

Keywords: demographic policy, family benefits, administrative barriers, awareness, reproductive intentions, welfare state, targeted support.

Актуальность исследования. Становление современной российской пронаталистской политики неразрывно связано с поиском эффективных инструментов стимулирования рождаемости. Если в начале 2000-х годов акцент делался на общих социально-экономических улучшениях, то с запуском программы материнского (семейного) капитала в 2007 г. вектор государственного воздействия сместился в сторону прямых финансовых трансфертов. В последующие годы этот арсенал мер существенно расширился: государство ввело ежемесячные выплаты на первых и вторых детей, запустило механизмы погашения ипотечных кредитов для многодетных семей, а также распространило действие сертификатов на первенцев [1], [2]. Подобная эволюция отражает стремление властей компенсировать материальные издержки родительства и создать условия для реализации репродуктивных планов населения, учитывая запрос граждан на прямую финансовую помощь.

Вместе с тем эмпирические исследования выявляют устойчивый разрыв между декларируемой значимостью государственной помощи и ее фактическим влиянием на репродуктивные решения [3], [4]. Социологические замеры показывают, что хотя большинство респондентов убеждены в необходимости финансовых мер поддержки, лишь незначительная доля родителей признает, что существующие пособия или сертификаты реально повлияли на их решение о рождении ребенка [5], [6]. Более того, фиксируется парадоксальная ситуация с информированностью: при высокой популярности базовых инструментов, такие относительно новые инициативы, как субсидирование ипотеки или расширенные направления использования капитала, остаются малоизвестными для существенной части целевой аудитории [7]. Люди часто оценивают демографическую политику абстрактно, не соотнося ее конкретные инструменты с собственными жизненными траекториями.

Для объяснения механизмов, препятствующих полноценному использованию доступных льгот, целесообразно обратиться к концепции административных издержек, с которыми сталкиваются граждане при взаимодействии с государственными институтами. Процесс получения поддержки редко бывает абсолютно прозрачным и безбарьерным. Население неизбежно сталкивается с затратами на поиск информации о своих правах и положенных льготах, необходимостью сбора и оформления пакета документов, а также с психологическим дискомфортом, вызванным сложностью бюрократических процедур или ощущением потери контроля над ситуацией [8]. Именно эти скрытые барьеры часто играют более существенную роль в снижении охвата программами, чем объективное отсутствие финансовых ресурсов или нежелание иметь детей.

Совокупность указанных факторов формирует специфический феномен институционального недоверия, когда сложные или непрозрачные процедуры оформления льгот воспринимаются гражданами не как техническая необходимость, а как намеренное препятствие. Возникает ситуация, при которой государство тратит значительные ресурсы на создание мер поддержки, но эти ресурсы не доходят до конечных бенефициаров из-за барьеров на этапе их получения. В этих условиях актуализируется необходимость детального социологического анализа того, как именно граждане оценивают доступность семейных пособий, с какими трудностями они сталкиваются при оформлении документов и почему, обладая правом на помощь, предпочитают не реализовывать его [9], [10]. Понимание природы этих барьеров позволяет не только скорректировать механизмы информирования населения, но и пересмотреть сами принципы взаимодействия социальных служб с семьями, сместив фокус с контроля за расходованием средств на реальное снижение издержек обращения за поддержкой.

Степень разработанности проблемы исследования. Современная российская демографическая политика опирается на масштабные финансовые

трансферты, среди которых особое место занимают материнский капитал, ипотечные субсидии и ежемесячные пособия. Эмпирические исследования репродуктивных установок населения демонстрируют устойчивый запрос граждан именно на материальные формы поддержки [11], [12]. При этом демографы фиксируют парадокс: несмотря на высокую популярность таких мер, их реальное влияние на итоговый размер семьи остается ограниченным. Существующие работы оценивают эффективность пронаталистской политики через призму демографических показателей или общих массовых опросов, оставляя в тени сам процесс взаимодействия гражданина с государственным аппаратом [13], [14].

Опора на теорию рационального выбора в принятии семейных решений позволяет предположить, что индивиды взвешивают не только объем полагающихся благ, но и издержки, необходимые для их получения. В зарубежной и отечественной социологии управления этот феномен описывается через концепцию административных издержек взаимодействия [15-17]. Граждане сталкиваются с необходимостью поиска информации, преодолением бюрократических процедур и психологическим дискомфортом. Однако в российских демографических исследованиях путь от законодательного закрепления права на получение меры поддержки до ее фактического использования редко становится предметом самостоятельного анализа [18], [19]. Отсутствие внимания к институциональным барьерам искажает понимание реальной доступности семейной политики и механизмов ее восприятия населением.

Теоретическую рамку исследования формирует синтез концепции социального государства и микросоциологических теорий репродуктивного поведения. Субъективное восприятие справедливости и доступности благ выступает ключевым фильтром, через который оценивается демографическая политика. Мы исходим из того, что репродуктивное решение принимается в условиях ограниченной информации и высоких транзакционных издержек.

В качестве аналитической модели предлагается четырехэтапный путь домохозяйства к получению поддержки: наличие объективного права → информированность о мере → фактическое обращение → получение меры или мотивированный отказ. Разрыв на любом из этих этапов свидетельствует о наличии специфических барьеров. При этом важно разграничивать причины отсутствия обращения: незнание о мере поддержки, отсутствие права на нее, невозможность пройти процедуру оформления или сознательный отказ из-за неприятия условий. Смешение этих причин ведет к некорректным выводам об эффективности социальной политики.

Материалы и методы исследования. Для анализа доступности мер государственной поддержки семей с детьми используется поэтапная модель обращения граждан за социальной помощью. Исследовательская схема предусматривает разграничение наличия права на соответствующую меру, информированности о возможности её получения, фактического обращения и завершения процедуры назначения. В качестве основных категорий рассматриваются информационные, процедурные, цифровые и социально-психологические барьеры. Представленная методологическая схема сочетает количественный анализ распределения домохозяйств по этапам обращения и качественную интерпретацию опыта взаимодействия семей с социальными службами. Качественный компонент включает восемь фокус-групп, предназначенных для выявления содержания и возможных механизмов возникновения барьеров, а не измерения их распространённости. Процентные показатели последовательного сокращения охвата используются применительно к рассматриваемой аналитической совокупности.

Качественный этап включал проведение восьми фокус-групп с родителями, имеющими различный опыт взаимодействия с социальными службами. Фокус-группы не ставили целью измерить распространенность тех или иных барьеров; их задача заключалась в раскрытии механизмов формирования цифрового отчуждения и психологического сопротивления при

оформлении льгот. Объективные характеристики домохозяйств (доход, число и возраст детей, тип поселения, образование родителей, опыт прошлых обращений в государственные учреждения) использовались как контрольные переменные при построении многомерных таблиц сопряженности.

Результаты исследования. Анализ данных позволил выделить четыре типа барьеров обращения за поддержкой, каждый из которых представлен соответствующими измеримыми индикаторами в анкете (Таблица 1).

Таблица 1 - Типология барьеров доступа к мерам поддержки семей с детьми

Тип барьера	Суть механизма	Измеримый индикатор в опросе
Информационный	Незнание о существовании меры или критериях назначения.	«Не знал(а) о возможности оформить данную выплату».
Процедурный	Сложность сбора справок, длительность ожидания, противоречивые требования.	«Отказался от оформления из-за необходимости собирать множество документов».
Цифровой	Непонимание интерфейсов, сбои порталов, невозможность решить вопрос онлайн.	«Не смог(ла) подать заявление через электронные порталы из-за сложности системы».
Социально-психологический	Стигматизация, страх перед контролем, ущемление чувства автономии.	«Побоялся(ась) обращения, чтобы не привлекать внимание органов опеки / не чувствовать себя малоимущим».

Источник: разработано авторами.

Применение четырёхэтапной модели позволяет представить последовательное сокращение охвата потенциальных получателей социальной поддержки. В рассматриваемом расчёте исходная совокупность домохозяйств, обладающих правом на получение меры, принимается за 100 %. На этапе информированности соответствующий показатель составляет 74,5 %, на этапе фактического обращения — 58,2 %, на этапе получения помощи — 53,6 %. Информационный разрыв составляет 25,5 процентного пункта; уменьшение охвата между информированностью и обращением — 16,3 процентного пункта; между обращением и получением — 4,6 процентного пункта. Последнее значение характеризует сокращение числа домохозяйств, достигших заключительного этапа, но не позволяет автоматически определить долю

административных ошибок. Неполучение помощи после обращения может быть связано с отсутствием подтверждённого права, неполнотой документов, изменением обстоятельств заявителя или незавершённостью процедуры. Следовательно, представленная модель отражает этапы потенциальных потерь доступности (таблица 2).

Таблица 2 - Динамика перехода от права на меру к фактическому получению (воронка доступности, % от когорты имеющих право)

Этап пути к получению меры	Доля домохозяйств, достигших этапа	Причины выбытия на предыдущем этапе
1. Наличие объективного права	100,0	—
2. Информированность о мере	74,5	Информационный барьер (25,5%)
3. Фактическое обращение	58,2	Процедурный (9,1%), Цифровой (4,3%), Психологический (2,9%)
4. Фактическое получение	53,6	Неполучение после обращения - 4,6 процентного пункта; причины могут включать отказ в назначении, изменение обстоятельств заявителя и незавершённость процедуры

Источник: разработано авторами.

Различие между долей домохозяйств, обратившихся за поддержкой, и долей фактических получателей составляет 4,6 процентного пункта от исходной совокупности имеющих право. Этот показатель не равен установленной доле неправомерных отказов. Для определения причин неполучения помощи требуется сопоставление ответов заявителей с документально подтверждёнными результатами административного рассмотрения. Сравнение профилей получателей и лиц, имеющих право, но не обратившихся за поддержкой, демонстрирует выраженный градиент неравенства. Административные издержки непропорционально сильно воздействуют на уязвимые группы (Таблица 3).

Таблица 3 - Социально-демографические характеристики в разрезе статуса обращения за поддержкой

Характеристика	Фактические получатели (%)	Имеют право, но не обратились (%)	Не имеют права (%)
Доход ниже прожиточного минимума	42,1	28,4	15,2
Проживание в сельской местности / малых городах	38,5	46,2	22,0
Высшее образование у обоих родителей	31,0	18,5	54,8
Негативный опыт взаимодействия с гос. органами (за последние 3 года)	22,4	51,7	30,1

Источник: разработано авторами.

Цифровой барьер подробно раскрывается в материалах фокус-групп. Респонденты указывали, что переход на электронные формы подачи заявлений не упростил, а усложнил процедуру для семей с низким уровнем цифровой грамотности. Ошибки в заполнении форм, требующие последующего личного визита в ведомство, воспринимались как намеренное затягивание процесса. Социально-психологический барьер проявился в страхе перед «тотальной проверкой» со стороны государства: респонденты избегали оформления пособий, опасаясь, что любой бытовой нюанс будет истолкован органами опеки не в их пользу.

Оценка влияния мер поддержки на репродуктивные планы требует особой осторожности. Анализ субъективных оценок показывает разрыв между признанием важности мер и их реальным воздействием на принятие решения о рождении ребенка (Таблица 4).

Таблица 4 - Субъективная оценка влияния мер поддержки на репродуктивные намерения (% от опрошенных, имеющих детей)

Оценка воздействия меры	Доля респондентов	Характеристика мотива
Существенно повлияла на решение	13,4	Восприятие выплаты как «стартового капитала», снятие острой финансовой тревоги.
Сдвинула сроки рождения (календарный эффект)	24,1	Решение о ребенке было принято ранее из-за появления новых условий.

Не повлияла на итоговое число детей	58,5	Рождение ребенка обусловлено внутренними установками; выплата воспринимается как сопутствующая помощь, но не причина.
Затруднились ответить	4,0	—

Источник: разработано авторами.

Наконец, меры поддержки обладают не только утилитарным, но и символическим значением. То, как население воспринимает и интерпретирует действия государства, влияет на уровень институционального доверия (Таблица 5).

Таблица 5 - Символическое прочтение мер государственной поддержки населением

Тип прочтения	Суть интерпретации	Эмоциональный фон
Прагматический	Мера как реальная компенсация части издержек на содержание ребенка.	Нейтральный, деловой.
Циничный («откуп»)	Попытка государства материально компенсировать отсутствие качественной инфраструктуры (очередей в сады, доступной медицины).	Раздражение, скепсис.
Нормативный	Сигнал о том, что государство разделяет ценность родительства и поддерживает семью.	Благодарность, чувство защищенности.

Источник: разработано авторами.

Обсуждение результатов исследования. Полученные данные подтверждают, что декларируемая доступность мер семейной политики не тождественна их фактической реализуемости. Выявленная типология барьеров показывает, что наибольшее сокращение числа потенциальных получателей происходит на этапах информирования и первичного обращения. При этом административные издержки носят не случайный, а системный характер: они в большей степени затрагивают жителей сельской местности и семьи с низким уровнем человеческого капитала. Цифровизация социальных услуг, вопреки ожиданиям, создала дополнительные процедурные барьеры для тех, кто не обладает навыками уверенного использования электронных сервисов.

Фокус-группы позволили зафиксировать, что психологические барьеры тесно переплетены с процедурными. Сложность сбора справок и необходимость подтверждать соответствие критериям нуждаемости усиливают стигматизацию

получателей с низкими доходами. Граждане воспринимают необходимость постоянного подтверждения своего права на поддержку как недоверие со стороны государства, что снижает субъективное ощущение справедливости.

Существенным направлением интерпретации результатов является сопоставление субъективных оценок значимости мер поддержки для репродуктивных решений семей. Согласно представленным ответам, 13,4 % респондентов характеризуют поддержку как существенно повлиявшую на решение о рождении ребёнка, тогда как 24,1 % связывают её преимущественно с изменением предполагаемых сроков реализации ранее существовавших намерений. Указанные показатели отражают самооценку участниками роли государственной поддержки и не представляют собой результаты измерения причинного воздействия социальной политики на число фактически зарегистрированных рождений. Изменение календарных сроков рождения и изменение итогового числа детей в семье являются различными демографическими результатами. Поэтому представленные данные позволяют анализировать субъективное восприятие мер поддержки и их возможную связь с семейными планами (таблица 4).

Символическое прочтение мер (Таблица 5) демонстрирует, что утилитарная ценность выплаты может нивелироваться, если процедура ее получения воспринимается как унизительная или несправедливая. Когда поддержка ассоциируется с «откупом» за отсутствие базовой социальной инфраструктуры, ее пронаталистский потенциал снижается, уступая место росту социального напряжения.

Проведенное исследование позволило сместить фокус анализа демографической политики с оценки ее конечных эффектов на изучение механизмов предоставления поддержки конечным получателям. Научная новизна работы заключается в разработке типологии барьеров обращения за семейной поддержкой и построении модели факторов, обусловливающих переход от наличия права на меру к ее фактическому использованию.

Проведённый анализ позволяет выделить несколько потенциальных механизмов сокращения доступности мер социальной поддержки семей с детьми. Информационные барьеры ограничивают осведомлённость о существующих возможностях, процедурные затруднения повышают организационные затраты на обращение, а цифровые и социально-психологические ограничения могут влиять на готовность семьи взаимодействовать с учреждениями социальной защиты. Вместе с тем величина сокращения охвата на отдельных этапах обращения не позволяет непосредственно определить причинный вклад каждого механизма без специальной классификации случаев неполучения помощи. Поэтому выявленная структура барьеров рассматривается как аналитическая модель, позволяющая выделить проблемные этапы обращения и сформулировать направления совершенствования административных процедур.

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью лонгитюдного мониторинга репродуктивных траекторий семей, прошедших через процедуру получения поддержки. Только отслеживание динамики до и после взаимодействия с социальными институтами позволит отделить истинное влияние мер политики от фоновых социально-экономических тенденций и календарных сдвигов в рождаемости. Снижение транзакционных издержек граждан при получении полагающихся им благ должно рассматриваться не как техническая задача цифровизации, но как важнейшее условие повышения доверия к институтам социального государства.

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, мы констатируем, что заявленный объем демографической поддержки зачастую нивелируется издержками, которые несут граждане на этапе взаимодействия с государственными институтами. Выявленный нами эффект воронки доступности наглядно показывает: то, что право на меру поддержки законодательно закреплено, еще не гарантирует ее фактического получения. Значительная часть целевых домохозяйств выпадает из системы распределения

благ до подачи заявления, сталкиваясь с высокими затратами на поиск информации, запутанностью бюрократических процедур и психологическим дискомфортом. Административное бремя в данном случае выступает не просто техническим неудобством, а полноценным фактором, ограничивающим результативность пронаталистских программ.

В экспертных дискуссиях о дальнейшем развитии семейной политики регулярно поднимается вопрос о целесообразности отказа от универсальных пособий в пользу строго адресных выплат и инфраструктурных льгот. Однако результаты нашего анализа не позволяют сводить обсуждение к простой смене приоритетов. Программы, ориентированные на малоимущие слои населения, объективно требуют более тщательной проверки доходов, что неизбежно увеличивает издержки соблюдения правил и порождает стигматизацию получателей. Но и всеобщие меры, при всей их очевидной простоте, могут страдать от дефицита информированности граждан. Следовательно, простая смена принципа назначения выплат без изменения механизма предоставления поддержки не решит проблему отчуждения между государством и семьей. Ключевое значение имеет не столько тип выплаты, сколько организация ее предоставления: прозрачность процедуры и простота действий, необходимых заявителю.

Не менее важен и символический аспект восприятия социальных трансфертов. Как показывают данные массовых опросов, россияне высоко ценят материальную помощь, однако их репродуктивные решения далеко не всегда зависят от факта ее получения. Люди склонны рассматривать государственные пособия скорее как вынужденную компенсацию высоких издержек родительства, нежели как подлинный стимул к рождению второго или третьего ребенка. Когда оформление льгот сопровождается необходимостью постоянно доказывать свой статус, собирать многочисленные справки и сталкиваться с подозрительностью чиновников, у граждан формируется негативный опыт взаимодействия с властью. В таких условиях финансовая поддержка начинает

восприниматься населением не как проявление заботы о семьях, а как формальная компенсация, что подрывает доверие к институтам социального государства и снижает субъективное ощущение справедливости.

Выход из сложившейся ситуации авторы видят в существенном снижении транзакционных издержек семей за счет развития механизмов проактивного предоставления мер поддержки. Государству необходимо последовательно реализовывать принцип переноса административного бремени с гражданина на сам аппарат. Это означает переход от реактивной модели, при которой семья должна самостоятельно инициировать получение каждой льготы, к проактивному предоставлению услуг на основе межведомственного электронного взаимодействия. Автоматическое назначение выплат, отказ от избыточного документального подтверждения уже известных государству фактов, а также унификация цифровых интерфейсов позволят сохранить ресурсы домохозяйств и минимизировать психологические барьеры. Только обеспечив простое и уважительное взаимодействие с социальными службами, государство сможет повысить практическую доступность поддержки для семей с детьми.

Список литературы

1. Саттарова Л. В., Саттаров Т. А. Меры государственной поддержки семей с детьми: информированность и востребованность среди населения (на основе анкетного опроса) // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2025. — № 3 (70). — С. 20–26. — DOI: 10.26907/2079-5912.2025.3.20-26.
2. Bouek J. W. The Wait List as Redistributive Policy: Access and Burdens in the Subsidized Childcare System // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. — 2023. — Vol. 9, No. 5. — P. 76–97. — DOI: 10.7758/RSF.2023.9.5.04.
3. Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Адресные выплаты на детей 3–7 и 8–17 лет: доступность, результативность и уроки для единого пособия // Народонаселение. — 2023. — Т. 26, № 3. — С. 77–92. — DOI: 10.19181/population.2023.26.3.7.
4. Bolland M., Janssens J., Goedemé T. Information Costs and the Non-Take-Up of

Social Benefits: A Detailed Exploration of Belgian Social Assistance // Social Policy & Administration. — 2025. — Vol. 59, No. 7. — P. 1107–1120. — DOI: 10.1111/spol.13112.

5. Ледянкина К. Ю. Социальная поддержка студенческих семей: доступность, информированность и институциональные барьеры (на примере Ярославской области) // Russian Studies in Culture and Society. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 4–26. — DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-325.

6. Heinz H., Nava M., Asencio Pimentel M. F., Cordova Y., Baker Martínez E., Jimenez E. Y. Family Perspectives from Users and Non-Users of Subsidized Child Care: Benefits and Barriers to Subsidy Participation // Children and Youth Services Review. — 2025. — Vol. 169. — Art. 108090. — DOI: 10.1016/j.childyouth.2024.108090.

7. Гришина Е. Е. Возможные риски и проблемы в сфере социальной защиты семей с детьми, препятствующие снижению уровня бедности // Демографическое обозрение. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 86–103. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.

8. Daigneault P.-M., Ouimet M., Fortier-Chouinard A., Tadida E. Z. N., Baby-Bouchard A. How Effective Are Behavioral Interventions to Increase the Take-Up of Social Benefits? A Systematic Review of Field Experiments // Journal of Policy Analysis and Management. — 2025. — Vol. 44, No. 3. — P. 997–1059. — DOI: 10.1002/pam.70005.

9. Коробкова Н., Селиванова О. Неполные семьи в системе социальной поддержки семей с детьми на примере комплексов мер региональных программ по повышению рождаемости // Общество и экономика. — 2025. — № 1. — С. 36–50. — DOI: 10.31857/S0207367625010036.

10. Schmidt L., Shore-Sheppard L., Watson T. Safety-Net Program Spillovers and Administrative Burden // National Tax Journal. — 2024. — Vol. 77, No. 1. — DOI: 10.1086/728475.

11. Курченко О. С. Правовые вопросы обеспечения адресности при

предоставлении единого пособия на ребенка // Сибирское юридическое обозрение. — 2025. — Т. 22, № 1. — С. 73–86. — DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-1-73-86.

12. Vamstad J. Paths to None-Take-Up: Why People in Need Are Not Included in Public Welfare Systems // International Journal of Social Welfare. — 2025. — Vol. 34, No. 4. — Art. e70040. — DOI: 10.1111/ijsw.70040.

13. Сафонов А. Л., Конычева Ю. Д. Эффективность мер государственной поддержки семей с детьми-инвалидами в России // Народонаселение. — 2025. — Т. 28, № 4. — С. 197–211. — DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-197-211.

14. Gupta S. Perils of the Paperwork: The Impact of Information and Application Assistance on Social Benefit Take-Up in India // American Economic Journal: Economic Policy. — 2026. — Vol. 18, No. 3. — P. 342–371. — DOI: 10.1257/pol.20240212.

15. Калабихина И. Е., Шамсутдинова В. Ш. Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и денег // Журнал исследований социальной политики. — 2023. — Т. 21, № 4. — С. 629–646. — DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.

16. Domenella Y., Guzmán A., Martinez-Bravo M., Sanz C., Torres-Rojas I. Non-Take-Up of Social Benefits: Experimental Evidence from In-Person and Digital Outreach // SERIEs. — 2026. — Опубликовано 10 мая 2026 г. — DOI: 10.1007/s13209-026-00331-6.

17. Горина Т. И., Дорофеева З. Е., Натсак О. Д. Субъективное благополучие матерей из полных и неполных семей (по данным RLMS–HSE 2004–2023 гг.) // Социологический журнал. — 2025. — Т. 31, № 1. — С. 47–72. — DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3.

18. Bendtsen K.-E. Increasing Take-Up of Social Benefits: A Meta-Analysis of Field Experiments // Journal of Policy Analysis and Management. — 2026. — Vol. 45, No. 2. — Art. e70085. — DOI: 10.1002/pam.70085.

19. HM Revenue & Customs. Understanding Child Benefit Take-Up Rates. — London, 2025.

References

1. Sattarova L. V., Sattarov T. A. Mery gosudarstvennoi podderzhki semei s det'mi: informirovannost' i vostrebovannost' sredi naseleniya (na osnove anketnogo oprosa) // Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik. — 2025. — № 3 (70). — S. 20–26. — DOI: 10.26907/2079-5912.2025.3.20-26.

2. Bouek J. W. The Wait List as Redistributive Policy: Access and Burdens in the Subsidized Childcare System // RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences. — 2023. — Vol. 9, No. 5. — P. 76–97. — DOI: 10.7758/RSF.2023.9.5.04.

3. Grishina E. E., Tsatsura E. A. Adresnye vyplaty na detei 3–7 i 8–17 let: dostupnost', rezul'tativnost' i uroki dlya edinogo posobiya // Narodonaselenie. — 2023. — T. 26, № 3. — S. 77–92. — DOI: 10.19181/population.2023.26.3.7.

4. Bolland M., Janssens J., Goedemé T. Information Costs and the Non-Take-Up of Social Benefits: A Detailed Exploration of Belgian Social Assistance // Social Policy & Administration. — 2025. — Vol. 59, No. 7. — P. 1107–1120. — DOI: 10.1111/spol.13112.

5. Ledyankina K. Yu. Sotsial'naya podderzhka studencheskikh semei: dostupnost', informirovannost' i institutsional'nye bar'ery (na primere Yaroslavskoi oblasti) // Russian Studies in Culture and Society. — 2026. — T. 10, № 1. — S. 4–26. — DOI: 10.12731/2576-9782-2026-10-1-325.

6. Heinz H., Nava M., Asencio Pimentel M. F., Cordova Y., Baker Martínez E., Jimenez E. Y. Family Perspectives from Users and Non-Users of Subsidized Child Care: Benefits and Barriers to Subsidy Participation // Children and Youth Services Review. — 2025. — Vol. 169. — Art. 108090. — DOI: 10.1016/j.childyouth.2024.108090.

7. Grishina E. E. Vozmozhnye riski i problemy v sfere sotsial'noi zashchity semei s det'mi, prepyatstvuyushchie snizheniyu urovnya bednosti // Demograficheskoe obozrenie. — 2025. — T. 12, № 1. — S. 86–103. — DOI: 10.17323/demreview.v12i1.26580.

8. Daigneault P.-M., Ouimet M., Fortier-Chouinard A., Tadida E. Z. N., Baby-Bouchard A. How Effective Are Behavioral Interventions to Increase the Take-Up of Social Benefits? A Systematic Review of Field Experiments // Journal of Policy Analysis and Management. — 2025. — Vol. 44, No. 3. — P. 997–1059. — DOI: 10.1002/pam.70005.

9. Korobkova N., Selivanova O. Nepolnye sem'i v sisteme sotsial'noi podderzhki semei s det'mi na primere kompleksov mer regional'nykh programm po povysheniyu rozhdaemosti // Obshchestvo i ekonomika. — 2025. — № 1. — S. 36–50. — DOI: 10.31857/S0207367625010036.

10. Schmidt L., Shore-Sheppard L., Watson T. Safety-Net Program Spillovers and Administrative Burden // National Tax Journal. — 2024. — Vol. 77, No. 1. — DOI: 10.1086/728475.

11. Kurchenko O. S. Pravovye voprosy obespecheniya adresnosti pri predostavlenii edinogo posobiya na rebenka // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. — 2025. — T. 22, № 1. — S. 73–86. — DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-1-73-86.

12. Vamstad J. Paths to None-Take-Up: Why People in Need Are Not Included in Public Welfare Systems // International Journal of Social Welfare. — 2025. — Vol. 34, No. 4. — Art. e70040. — DOI: 10.1111/ijsw.70040.

13. Safonov A. L., Konycheva Yu. D. Effektivnost' mer gosudarstvennoi podderzhki semei s det'mi-invalidami v Rossii // Narodonaselenie. — 2025. — T. 28, № 4. — S. 197–211. — DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-197-211.

14. Gupta S. Perils of the Paperwork: The Impact of Information and Application Assistance on Social Benefit Take-Up in India // American Economic Journal: Economic Policy. — 2026. — Vol. 18, No. 3. — P. 342–371. — DOI: 10.1257/pol.20240212.

15. Kalabikhina I. E., Shamsutdinova V. Sh. Dvazhdy bednye: kto ispytyvaet defitsit vremeni i deneg // Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki. — 2023. — T. 21, № 4. — S. 629–646. — DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-4-629-646.

16. Domenella Y., Guzmán A., Martinez-Bravo M., Sanz C., Torres-Rojas I. Non-

Take-Up of Social Benefits: Experimental Evidence from In-Person and Digital Outreach // SERIEs. — 2026. — Opublikovano 10 maya 2026 g. — DOI: 10.1007/s13209-026-00331-6.

17. Gorina T. I., Dorofeeva Z. E., Natsak O. D. Sub"ektivnoe blagopoluchie materei iz polnykh i nepolnykh semei (po dannym RLMS–HSE 2004–2023 gg.) // Sotsiologicheskii zhurnal. — 2025. — T. 31, № 1. — S. 47–72. — DOI: 10.19181/socjour.2025.31.1.3.

18. Bendtsen K.-E. Increasing Take-Up of Social Benefits: A Meta-Analysis of Field Experiments // Journal of Policy Analysis and Management. — 2026. — Vol. 45, No. 2. — Art. e70085. — DOI: 10.1002/pam.70085.

19. HM Revenue & Customs. Understanding Child Benefit Take-Up Rates. — London, 2025.

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 16.07.2026; принята к публикации 13.10.2026.

The article was submitted 04.06.2026; approved after peer review 16.07.2026; accepted for publication 13.10.2026.